

© 2011 г.

Л. М. Коротких

«ИБЕРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИСПАНИИ В КОНЦЕ XIX–XX в.

Политическая ситуация в Испании середины XIX–XX в. фактически определяла результаты исследований в области древнего прошлого Пиренейского полуострова. Политические дискуссии и высокий профессиональный уровень ученых способствовали формированию организационных структур, расширению археологических изысканий, плодотворной работе с письменными источниками.

Ключевые слова: иберы, Пиренейский полуостров, историография

Иберийская проблема, т.е. вопрос этногенеза иберов, формирования отличительных параметров иберийской культуры, ее хронологических и территориальных рамок ставится в испанской науке с момента пробуждения внимания к древнейшему прошлому Пиренейского полуострова. Однако именно в середине XIX в. на смену изначально антикварному интересу к памятникам прошлого в Испании приходит научное антиковедение. Следует отметить также, что вторая половина XIX – первая половина XX в. – это чрезвычайно непростое время в политической жизни Испании: непопулярные итоги испано-американской войны, реставрация монархии, гражданская война и франкистская диктатура раскололи общество. Требовались значительные усилия для пробуждения национального самосознания и консолидации страны. Существовавшие в Испании политические течения центристского и сепаратистского толка стремились привлечь научные аргументы для подтверждения правильности своих идеологических концепций, что косвенно способствовало интенсификации исследований иберийской проблемы. Вместе с тем особенностью ее разработки являлась чрезвычайная политизация научного процесса, причем политические позиции ученых зачастую явно превалировали над научной объективностью.

В 1850 г. начала выходить многотомная «Всеобщая история Испании» М. Лафунте, ставшая знаменем центристов. В ней автор провозгласил, что особенности испанского национального характера восходят к единству двух основных этнических групп – иберов и кельтов, слившихся в кельтиберский этнос¹. Этот

Коротких Людмила Михайловна – доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира исторического факультета Воронежского государственного университета.

¹ Lafuente 1850, 11, 15–16.

тезис подхватил М. Гонгора, который подчеркнул, что слияние кельтиберов в единый этнос произошло в результате вторжения иберов из Азии и кельтов из Европы².

Дать научное обоснование этой концепции попытался С. Ласальде. Он выделил ряд аспектов проблемы, связанных с археологическими памятниками иберов, предложив обсудить их сходство или отличие от древних памятников Азии и Африки, установить хронологию иберийских и кельтских памятников, уточнить ареал распространения иберийских находок, рассмотреть связь иберов с древнейшим населением полуострова и с пришлыми народами³. В академической среде этот призыв был встречен с известным энтузиазмом, но изучение поставленных вопросов шло в русле безусловного господства иберийской идеи. Паниберизм провозглашал труды академиков Х. Виланова-и-Пьера, Х. Рада-и-Дельгадо, Х. Мелиды⁴.

Переворот в отношении к исследованию проблемы иберийской культуры произвела находка П. Ибаррой в 1897 г. статуи иберийской женщины (известной как Дама из Эльче), ставшей своеобразным маркером иберийской цивилизации. Работа с необычным артефактом заставила перейти от декларативных заявлений к научной разработке проблемы. Значительную роль в этом процессе играла поддержка государства. Было создано несколько учреждений, возглавивших научные изыскания. Наряду с Кабинетом древностей (*El Gabinete de Antigüedades*), имевшимся при Королевской академии истории (*Real Academia de la Historia*), в 1910 г. был основан Центр исторических исследований (*Centro de Estudios Históricos*), который возглавил Р. Менендес Пидаль. В 1912 г. по инициативе Академии был учрежден Комитет для руководства археологическими раскопками и изучением древностей (*Junta Superior de Excavaciones y Antigüedades*).

Практически одновременно в провинциях возникают местные центры археологических исследований. Особенно активно работали *Servicio de Investigaciones Prehistóricas* в Валенсии и *Servicio de Investigaciones Arqueológicas* в Каталонии. Именно в Каталонии увидели свет ряд исследований сепаратистского толка. Тон задавала работа основоположника баскского национализма С. Араны, где декларируется превосходство басков, провозглашенных единственными носителями древнего языка иберов⁵. Вслед за ним каталонский археолог Э. Прат де ла Рибя исследовал Ампуриас с прилегающими территориями и определил эти земли, вплоть до Пиренеев, как первоначальную иберийскую ойкумену⁶.

Заслуга научной постановки и фундаментального исследования проблемы этногенеза иберов принадлежит каталонскому профессору П. Бош-Гимпере. Ученый полагал, что в основе этногенетических процессов на полуострове лежит неолитическая капсийская культура, носители которой занимали предгорье Пиренеев и долину реки Виг. В эпоху бронзы, по его мнению, здесь располагались племена церетов и авсоцеретов, которые соседствовали с довольно развитыми племенами индикетов и сордонов, занимавшими побережье. Оба потока племен постепенно перемещались в долину реки Эбро, где жили более цивилизованные, но менее

² Góngora 1868.

³ Lasalde 1879.

⁴ Vilanova y Piera, Rada y Delgado 1893; Melida 1906.

⁵ Arana 1892.

⁶ Prat de la Riba 1906.

активные племена иллергетов и эдетанов. Именно этот конгломерат автохтонных племен исследователь ассоциировал с иберами. Каталонский регион, таким образом, выступает как прародина иберов⁷.

Данная концепция была с энтузиазмом воспринята академиком М. Гомесом-Морено, пытавшимся примирить сепаратистски настроенных каталонских исследователей и сторонников центризма⁸. Он дополнил этнологические выводы П. Бош-Гимперы лингвистическими материалами, повторив мысль о баскско-иберийском лингвистическом реликте, и расширил территорию расселения иберов до Валенсии и Андалусии. Отсюда иберы, по мнению ученого, распространились на Балеарские острова и северо-восток полуострова. Именно он предложил заменить название «иберы» на «испанцы», подчеркнув единые корни нации.

В период гражданской войны и господства фашистской хунты появилась необходимость показать принадлежность испанцев к «нордической расе». Политический заказ заставил некоторых исследователей обратить особое внимание на индоевропейский элемент в этнической истории полуострова. Наиболее последовательно выглядит концепция Х. Мартинеса Санта Олалья, который считал, что общность нации сложилась благодаря кельтам-индоевропейцам. По его мнению, иберы – те же кельты, только подвергшиеся средиземноморским влияниям⁹. Ученый определяет пять важных индоевропейских вторжений на полуостров в период с XII по IV в. до н.э. Первоначально был некий индоевропейский микст племен, названных иллирийцами, затем на полуостров проникают протокекельты, которых позднее дополняют народы–носители культуры полей урн (в основе своей протокекельты и лигуры) и, наконец, фиксируется две собственно кельтских волны вторжений. Вначале кельты заняли атлантическое побережье Пиренейского полуострова, затем продвинулись на юг и в испанский Левант. В IV в. до н.э. теперь уже кельты латенской культуры заняли западную часть полуострова. Автор отмечал, что «...так называемые иберы не существуют ни как раса, ни как культура. То, что мы исторически называем иберами и испанцами... по большей части элементы преарийские со средиземноморскими вкраплениями»¹⁰.

Естественно, что мысль о процессе иберизации полуострова исчезает, и следующим шагом формирования этнического и культурного единства предстает процесс романизации испанских кельтов. Эта идея суперкультуры, суперцивилизации, носителем которой являлся Рим, отвечала запросам политической верхушки страны. По этой теории оказывается, что и Италия, и Испания еще в древности выступали как нордический хинтерланд «великой Германии»!

Современные историографы иберийской проблемы, пытаясь определить рациональное зерно в размышлениях Мартинеса Санта Олалья, отмечают, что несмотря на явную тенденциозность его концепция сохраняет выводы этнологов начала века

⁷ Bosch-Gimpera 1932.

⁸ Gómez-Moreno 1949.

⁹ Martínez Santa Olalla 1941, 166.

¹⁰ Martínez Santa Olalla 1941, 162. Следует отметить, что научные выводы сопровождались политическим давлением на оппонентов. После вынужденной эмиграции демократически настроенных ведущих археологов – например, П. Бош-Гимперы, Х. Обермайера – Мартинес Санта Олалья возглавил кафедру археологии в Мадридском университете. Он стал фактически контролировать археологические раскопки, поручая руководство исследованиями друзьям и единомышленникам. См. об этом более подробно: Diaz-Andreu 2007, 19–34.

о наличии основного центра культуры и последующих его контактах с волнами мигрантов¹¹. При этом, на наш взгляд, забывается основная мысль ученого об отсутствии самой культуры и этноса иберов.

Концепция Мартинеса Санта Олалья стала основой для сторонников теории существования древнего арийско-европейского культурного и этнического единства, к которому принадлежала и Испания¹². Кельтскую идею с энтузиазмом поддержал М. Альмагро Баш, получивший, как и большинство испанских археологов того времени, образование в Германии. Он отмечал, что иберы (их территорию автор ограничивал Левантом и долиной реки Эбро) говорили на кельтском диалекте, индоевропейском, но более древней структуры. Даже на юге полуострова, где П. Бонсор были обнаружены явно не кельтские погребальные сооружения, М. Альмагро декларирует наличие кельтской элиты, господствующей над местными народами¹³.

Показательна явная политическая ориентация научных исследований Х. Кабре, ученика М. Гомеса-Морено, известного исследователя иберийских памятников в Деспеньяперросе, Асайле, Тойе, Тутуги. В 1920-е годы он активно поддерживал идею учителя о единстве испанцев, основанном на иберийских корнях. Его работы 40-х годов, связанные с типологией тех же памятников, завершаются иными выводами. Кабре заявляет об их кельтской основе как археологическом свидетельстве «распространения кельтского субстрата, происходящего из центра Европы, на весь Иберийский полуостров вплоть до юго-востока»¹⁴.

Укреплению позиций «панкельтизма» в определенной степени способствовала и работа А. Гарсии-и-Бельидо об иберийском искусстве. Исследователь подчеркивал его связь с высоким искусством Рима, определяя иберийское художественное наследие лишь как «провинциальное римское искусство»¹⁵.

В то же время филолог А. Товар – еще один ученик М. Гомеса-Морено – не изменил своих позиций и отмечал существование иберийского языкового ареала, настаивая на принадлежности иберийского языка к хамитской языковой семье¹⁶. Такая позиция явно не поощрялась. Вынужден был эмигрировать из страны П. Бош-Гимпера. Практически не привлекались к фундаментальным работам «антикельтисты» Д. Флетчер и М. Гомес-Морено.

К середине XX столетия работа над иберийской проблематикой была настолько политизирована, что фактически зашла в тупик. Смена политических режимов в послевоенной Европе привела к усилению в испанской политике и науке консервативного католического крыла. Теперь традиционная Испания противопоставляется освобожденной от фашизма Европе. Чрезмерный интерес к индоевропейскому компоненту в этнической и культурной истории страны постепенно исчезает. Вновь подчеркивают самобытность иберов, их роль в формировании этнического единства страны. Особым авторитетом пользуется теория М. Гомеса-Морено, которую тот впервые предложил в 1925 г.¹⁷, опираясь на этнологические исследования П. Бош-Гимперы, и последовательно отстаивал на протяжении всей своей жизни¹⁸.

¹¹ Ruiz, Sánchez, Bellón 2002, 184–190.

¹² Castelo, Ruano 1997, 557–573; Thomas 2001.

¹³ Almagro Basch 1952, 266.

¹⁴ Cabré 1925, 73–101; 1943, 49–63; 1948, 129.

¹⁵ García y Bellido 1943, 78–108.

¹⁶ Tovar 1946, 7–42.

¹⁷ Gómez-Moreno 1949, 31–42 («Síntesis de Prehistoria Española, 1925»).

¹⁸ Gómez-Moreno 1995.

Мы полагаем, что ключевую роль в дальнейшей научной разработке иберийской проблемы сыграла административная и исследовательская деятельность А. Гарсии-и-Бельидо, фактического основателя национальной научной археологической школы. Являясь, с одной стороны, учеником Х. Мелиды, который руководил Центром исторических исследований, а с другой – выполняя диссертационное исследование в Мадридском университете под руководством Э. Тормо, Гарсия-и-Бельидо соединил в своем лице как академическую, так и университетскую научную традиции. В 1931 г. он создал кафедру классической археологии в Мадридском университете. В 1951 г. стараниями и настойчивостью ученого был основан Институт древней истории и археологии имени Родриго Каро. Важнейшей вехой в развитии испанской археологии и антиковедения стало и начало издания в 1940 г. журнала «*Archivo Español de Arqueología*», который до сих пор играет роль координирующего центра национальной науки по древней истории.

Организаторская деятельность лишь сопровождала главное дело жизни ученого: разработку проблем древнейшего прошлого народов Пиренейского полуострова. В дебатах «панкельтистов» и «паниберистов» он занимал «Соломонову позицию»: на полуострове существовали кельтские племена, культура которых была значительно беднее иберийской, поскольку не получала средиземноморских импульсов.

Археологическое видение Гарсии-и-Бельидо было чрезвычайно созидательным. Он впервые попытался выделить археологические параметры мира иберов, классифицировать их как исторический маркер. Примером сложности и одновременно скрупулезности исследования этих проблем служит одна из ранних работ ученого, посвященная анализу антропоморфной фигурки быка из Балакоты¹⁹. Любопытно отметить, что существование самостоятельной иберийской культуры в работе считается объективным фактом. Предварительный анализ массы статуэток из иберийских святилищ и поселений дает возможность выявить сходство и различия в технике, материале, темах и позволяет выделить то, что исследователь определяет понятием «*lo iberico*». Автор пытается определить хронологические и типологические параметры рассматриваемого артефакта. Он отмечает наличие «достаточных мотивов для принятия тезиса о древности... скульптура демонстрирует существование древних связей между нашим полуостровом и восточной Месопотамией...». Однако Гарсия-и-Бельидо твердо уверен, что иберийская скульптура «вышла из-под ксоана греческой», поэтому он неоправданно считает «псевдоархаизмами» типичные для ранней иберийской скульптуры геометрический орнамент, зигзаги²⁰. Следует подчеркнуть, что эта небольшая статья творчески разрушила прежнюю модель исследований: впервые конкретный археологический источник рассматривался в широком историческом контексте. Проведенная параллельно огромная работа по инвентаризации иберийской скульптуры, ее каталогизации увенчалась появлением монографии, в которой опубликованы образцы иберийской скульптуры, даны предварительные научные комментарии²¹.

Среди важнейших вопросов иберийской археологии наиболее сложным считается исследование поселений. Традиционный взгляд древних авторов на Иберию

¹⁹ García y Bellido 1931.

²⁰ García y Bellido 1931, 249–270.

²¹ García y Bellido 1949.

как «страну городов» при отсутствии в начале XX столетия систематических раскопок не находил подтверждения. Гарсиа-и-Бельидо, демонстрируя поразительную научную интуицию, которая учитывает общий достаточно высокий уровень развития многих народов Пиренейского полуострова, предсказал будущие открытия иберийских городов. Опираясь на скудные материалы, ученый пытался разработать типологию иберийских жилищ, выделить особенности архитектуры святилищ. В ходе работы увидели свет предварительные суждения по истории древних городов Испании – Коаньи, Италики, Леона, Илипы²².

Изучение памятников римской скульптуры, обнаруженных в Испании, стало еще одним направлением его научной деятельности. Вышеупомянутая специальная монография, посвященная публикации имеющихся находок, их классификации и научному комментарию, не утратила своего значения и в наши дни. Однако Гарсиа-и-Бельидо не смог отрешиться от привычных стереотипов: формирование национального единства, по его мнению, связано с цивилизующей деятельностью Рима. Он пытается определить хронологические рамки туземного искусства, произвольно привязывая его к более поздним римским памятникам. Работы об архитектуре и скульптуре стали основой для написания раздела об иберийском искусстве в многотомной истории Испании²³.

Новый подход к изучению древнейшего прошлого страны, базирующийся на возрастании научного профессионализма археологов, демонстрирует в этот период и провинциальная наука. В 1945 г. был созван съезд руководителей провинциальных археологических комиссий и музеев, приуроченный к открытию археологической экспозиции в музее Картахены. Представители Альбасете, Альмерии, Аликанте, Мурсии, музеев Эльче, Алкоя заявили о готовности координировать действия и о необходимости привлечения к исследованиям университетской научной элиты. Показательно, что на III съезде, который проходил в Мурсии в 1947 г., присутствовали Б. Тарасена и А. Гарсиа-и-Бельидо от Мадридского университета, М. Альмагро и Л. Перикот от Университета Барселоны, А. Бельтран от Университета Мурсии²⁴.

Главным итогом исследований иберийской проблемы конца 1940–1950-х годов стал вывод о приоритете и самобытности иберийской культуры. В обобщающей работе по древней истории Испании Л. Перикот, призывая отрешиться от излишней политизации, отмечал, что иберы – «народ наиболее значительный для Испании», что «наша история есть результат необычайного смешения рас и народов... но объективно только термин “иберы” применим ко всему полуострову, поскольку выражает нашу манеру существования»²⁵. Полемизируя с Гарсией-и-Бельидо, Перикот отмечает, что нельзя соотносить иберийское искусство с римскими материалами. По его мнению, оно значительно древнее – V–IV вв. до н.э.²⁶ Выводы Перикота существенно скорректировал Х. Малукер, сочтя невозможным говорить о едином иберийском народе афро-средиземноморского происхождения и предложив новый термин – «иберийские народы» – как символ единства культуры в ее многообразном проявлении²⁷.

²² García y Bellido 1945.

²³ García y Bellido 1954.

²⁴ Beltrán 1999, 49–52; Díaz-Andreu, Ramírez 2001, 357–380.

²⁵ Pericot 1950, 286.

²⁶ Pericot 1950, 298.

²⁷ Maluquer 1954, 305–370.

Дальнейшее исследование иберийской проблемы требовало значительно расширить источниковую основу научных изысканий. Поэтому в 1950–1960-е годы предпринимаются активные археологические работы на юго-востоке Пиренейского полуострова, где, согласно античной традиции, локализовались иберы и иберийское царство Тартесс. Результаты буквально ошеломили ученых обилием и разнообразием материалов. Появляется значительная серия публикаций полученных артефактов: это работы Гарсии-и-Бельидо, Малукера, Э. Куадро – о сосудах и других изделиях из бронзы²⁸, Х. Кариасо, М. Пельисер, В. Шуле – о кладках из Эль Карамболо, Кармоны, Серро де Реал²⁹. Начинаются археологические исследования погребальных памятников Уэльвы, Хаэн, Альмуньекар и Малаги³⁰.

Необходимость обобщения и анализа материалов, координации усилий по типологизации и сопоставлению памятников привели к созыву научного симпозиума по древней истории Пиренейского полуострова, который проходил в 1968 г. в Хересе³¹. Здесь создается фактически новая парадигма проблемы иберийской культуры, которая особенно четко и последовательно отражена в работах Х. Малукера и А. Бланко. Маркером иберийской культуры, распространившейся от средиземноморского побережья до долин рек Гвадалквивир и Бетис, по мнению Бланко, выступает ее восточный колорит³². Малукер считает, что «ориентализирующий» фактор в иберийской культуре способствовал ее развитию. Ученый отмечает, что именно взаимодействие местных народов с финикийцами привело к подъему культуры, концентрации власти и появлению государства Тартесс³³.

Большинство исследований последней четверти прошлого века в той или иной мере созвучны с ориентализирующей парадигмой³⁴. М. Таррадель считает юг полуострова, конкретнее – территорию Андалусии, колыбелью иберийской культуры, а «рождение иберизма, пассионарность Тартесса» нужно искать, по его мнению, в периоде ориентализма. При этом ученый не отрицает роли внутренних факторов в формировании иберийской культуры, подтверждением чему служат иберийские памятники Валенсии. Они, как считает исследователь, демонстрируют следующую фазу культуры иберов³⁵. Таррадель настаивает на необходимости ведения археологических изысканий на значительных пространствах с более тщательной фиксацией стратиграфии памятников. Откликом на этот призыв стала работа директора музея Аликанте Э. Любрегата, посвященная древней Контестании и базирующаяся на большом массиве археологического материала, полученного с исконно иберийской территории³⁶.

Внимание испанских ученых в конце прошлого столетия привлекали не только глобальные проблемы этногенеза иберов, вопросы иберизации полуострова,

²⁸ García y Bellido 1956; 1958; 1960; 1964; Maluquer 1957; Cuadrado 1956.

²⁹ Carriazo, Raddatz 1960; Pellicer 1962; Pellicer, Schule 1962.

³⁰ Orta, Garrido 1962; Blanco 1965; Pellicer 1962; Schubart, Niemeyer, Pellicer 1969.

³¹ Maluquer 1969.

³² Blanco 1960, 40.

³³ Maluquer 1969, 397.

³⁴ О современном состоянии исследования отдельных аспектов этого направления в испанской историографии см. Бласкес Мартинес 2004.

³⁵ Tarradell 1960; 1968, 150–152.

³⁶ Llobregat 1972.

оно концентрировалось и на конкретных аспектах определения «иберийское». Так, появляются специальные исследования, посвященные изучению политических форм и социальной истории иберов. Здесь особо следует выделить работы, посвященные Тартессу, авторы которых спорят о местоположении и территории данного государственного образования, пытаются определить соотношение местного и восточного компонентов в его основе, реконструируют его социальную структуру, экономику и политическую организацию³⁷.

Особенности иберийских культов на фоне идеологии древних народов Средиземноморья изучали Х.М. Бласкес, М. Альмагро Горбеа³⁸; своеобразие иберийской архитектуры – Х. Малукер, Л. Абад и М. Бендала³⁹. Значительно изменились подходы к изучению иберийского искусства: более корректно, не только на основе художественного стиля, а исходя из контекста иберийских находок выносятся хронологические определения, исследуются его средиземноморские параллели⁴⁰. М. Блех, например, приходит к обоснованному выводу о том, что большинство памятников иберийской скульптуры относится к V в. до н.э., что «позволяет хронологически классифицировать “lo iberico” и показать его историческую важность»⁴¹.

Э. Льобрегат отмечает, что «археологическая очевидность заставляет нас постулировать автохтонность и самостоятельность иберийского искусства»⁴², а Э. Руано Руис и М. Блех, занимая более осторожную позицию, замечают, что иберийские мастера «во всяком случае, имели возможность выбирать и интерпретировать иноземные модели и мотивы применительно к своей традиции»⁴³.

Политический аспект в изучении иберийской проблемы постепенно сглаживается. Основной итог политических дискуссий к концу XX в. подвела известная работа Л. Перикота, в которой постулируется вывод об оригинальности и самобытности культуры иберов. Ареал распространения иберийской культуры – от Андалусии до юга Франции. Эта культура, «демонстрируя туземную основу с элементами экзотическими... является базой испанизма... формировавшегося на протяжении двух тысячелетий»; автор отмечает, что «эпоха апогея культуры иберов это V – первая четверть III в. до н.э.»⁴⁴.

Обращаясь к испанскому антиковедению середины XIX–XX в., следует отметить значительное влияние политической ситуации на интенсивность и качество исследовательской работы в области изучения древнейшего прошлого Пиренейского полуострова. Однако общая добротность подготовки национальных научных кадров, их органическая связь с европейской научной традицией с самого начала позволяли сочетать интерес к изучению иберийской культуры со стремлением испанских археологов и историков древности к научной постановке проблемы, к привлечению надежных источников для ее решения. Явно политизированные выводы одних ученых всегда встречали справедливо скептическое отношение других. Завершение относительной политической изоляции страны

³⁷ Caro Baroja 1971; Vigil 1973; Blázquez 1993; Almagro Gorbea 1993; Ruiz Mata 2001.

³⁸ Blázquez 1990; Almagro Gorbea, Moneo 2000.

³⁹ Maluquer 1986; Abad, Bendala 1994.

⁴⁰ Chapa Brunet 1986.

⁴¹ Blech 1994, 308.

⁴² Llobregat 1972, 164.

⁴³ Blech, Ruano Ruis 1992, 101.

⁴⁴ Pericot 1972, 29, 34.

во второй половине XX в. сопровождалось организацией и плодотворной работой многочисленных международных симпозиумов и конференций, которые не только подвели итоги, но и наметили новые аспекты изучения истории древней Иберии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бласкес Мартинес Х.М.* 2004: Orígenes финикийской колонизации в Западном Средиземноморье и Тартесийское царство. Состояние проблемы // ВДИ. 4, 60–85.
- Abad L., Bendala M.* 1994: La urbanística del mundo ibérico: las nuevas perspectivas // AEA. 67, 301–304.
- Almagro Basch M.* 1952: La España de las invasiones célticas // Historia de España / R. Menéndez Pidal (ed.). T. I. Vol. II. Madrid.
- Almagro Gorbea M.* 1993: Tarteso desde sus áreas de influencia: la sociedad palacial en la Península Ibérica // Los enigmas de Tarteso / J. Alvar, J.M. Blázquez (eds.). Madrid, 139–161.
- Almagro Gorbea M., Moneo T.* 2000: Santuarios urbanos en el mundo ibérico. Madrid.
- Arana S.* 1892: Bizcaya por su independencia // *Arana S. Obras completas.* Buenos Aires, 1965.
- Beltrán A.* 1999: Los Congresos Arqueológicos del Sudeste Español // La cultura ibérica a través de la fotografía de principios de siglo. Madrid, 49–52.
- Blanco A.* 1960: Orientalia II // AEA. 33, 3–43.
- Blanco A.* 1965: El ajuar de una tumba de Cástulo // Oretania. 19, 8–60.
- Blázquez J.M.* 1990: Imagen y mito. Estudios sobre religiones mediterráneas e ibéricas. Madrid.
- Blázquez J.M.* 1993: Tartessos y los orígenes de la Colonización fenicia en Occidente // Los enigmas de Tarteso / J. Alvar, J.M. Blázquez (eds.). Madrid.
- Blech M.* 1994: Escultura ibérica, ayer y hoy: la Bicha de Balazote // AEA. 67, 304–308.
- Blech M., Ruano Ruis E.* 1992: Zwei iberische Skulpturen aus Úbeda la Vieja (Jaén) // Madrider Mitteilungen DAI. 33, 70–101.
- Bosch-Gimpera P.* 1932: Etnología de la península Ibérica. Barcelona.
- Cabré J.* 1925: Arquitectura Hispánica. El sepulcro de Toya // AEAA. I, 73–101.
- Cabré J.* 1943: La cerámica céltica de Azaila // AEA. 16, 49–63.
- Cabré J.* 1948: Deitania, situación en el sudeste de España. Cultura artística y difusión // III Congreso Arqueológico del Sudeste Español. Cartagena, 121–136.
- Caro Baroja J.* 1971: La 'realeza' y los reyes en la España antigua. Madrid.
- Carriazo J. de M., Raddatz K.* 1960: Primicias de un corte estratigráfico en Carmona // Archivo Hispalense. 103–104, 1–37.
- Castelo R., Ruano R.* 1997: Julio Martínez Santa Olalla: Vinculación y contribución a los organismos e instituciones arqueológicas españolas de postguerra // La cristalización del pasado: génesis y desarrollo del marco institucional de la Arqueología en España. Málaga, 557–573.
- Chapa Brunet T.* 1986: Escultura ibérica: una revisión de sus interpretaciones // Trabajos de Prehistoria. 43, 43–60.
- Cuadrado E.* 1956: Los recipientes rituales llamados braserillos púnicos // AEA. 29, 32–83.
- Díaz-Andreu M., Ramírez M.* 2001: La Comisaría General de Excavaciones Arqueológicas // Complutum. 12, 357–380.
- Díaz-Andreu M.* 2007: Christopher Hawkes and the International Summer Courses of Ampurias // Bulletin of the History of Archaeology. 17 (1), 19–34.
- García y Bellido A.* 1931: La Bicha de Balazote // AEAA. 7, 249–270.
- García y Bellido A.* 1943: Algunos problemas de arte y cronología ibéricos // AEA. 16, 78–108.
- García y Bellido A.* 1945: La Arquitectura entre los iberos. Madrid.
- García y Bellido A.* 1949: Esculturas romanas de España y Portugal. Madrid.
- García y Bellido A.* 1954: Arte ibérico // Historia de España / R. Menéndez Pidal (ed.). T. I. Vol. III. Madrid, 371–675.
- García y Bellido A.* 1956: Materiales de arqueología hispano-púnica: los jarros de bronce // AEA. 29, 85–112.
- García y Bellido A.* 1958: De nuevo sobre el jarro ritual lusitano // AEA. 31, 153–164.
- García y Bellido A.* 1960: Inventario de los jarros púnico-tartésicos // AEA. 33, 44–63.

- García y Bellido A.* 1964: Nuevos jarros de bronce tartésicos // AEA. 37, 50–80.
- Gómez-Moreno M.* 1949: Misceláneas. Madrid.
- Gómez-Moreno Me E.* 1995: Manuel Gómez-Moreno Martínez. Madrid.
- Góngora M.* 1868: Antigüedades prehistóricas de Andalucía. Madrid.
- Lafuente M.* 1850: Historia General de España, desde los tiempos más remotos hasta nuestros días. T. I. Madrid.
- Lasalde C.* 1879: Estudios sobre el pueblo Bastitano // Seminario Murciano. Murcia.
- Llobregat E.* 1972: Contestania Ibérica. Alicante.
- Maluquer J.* 1954: Pueblos ibéricos // Historia de España / R. Menéndez Pidal (ed.). T. I. Vol. III. Madrid, 305–370.
- Maluquer J.* 1957: De metalurgia tartessia: El Bronce Carriazo // Zephyrus. 8, 157–168.
- Maluquer J.* 1969: Tartessos y su historia. V Simposio de Prehistoria y Protohistoria Peninsular (Jerez 1968). Barcelona.
- Maluquer J.* 1986: Architecture i urbanisme ibèrics a Catalunya. Barcelona.
- Martínez Santa Olalla J.* 1941: Corona de estudios que la sociedad Española de antropología, etnografía y prehistoria dedica a sus mártires. T. I. Madrid.
- Melida J.* 1906: Iberia arqueológica ante-romana. Madrid.
- Orta E., Garrido J.* 1963: La Tumba orientalizante de La Joya, Huelva. Madrid.
- Pellicer M.* 1962: Excavaciones en la necrópolis púnica de Laurita del Cerro de San Cristóbal. (Excavaciones Arqueológicas en España, 17). Madrid.
- Pellicer M., Schule W.* 1962: El Cerro de Real, Galera (Granada). (Excavaciones Arqueológicas en España, 12). Madrid.
- Pericot L.* 1950: La España primitiva. Barcelona.
- Pericot L.* 1972: Reflexiones sobre la Prehistoria Hispánica. Madrid.
- Prat de la Riba E.* 1906: La Nacionalitat Catalana. Barcelona.
- Ruiz A., Sánchez A., Bellón J.* 2002: The History of Iberian Archaeology: One Archaeology for Two Spains // Antiquity. 76, 184–190.
- Ruiz Mata D.* 2001: El poblamiento fenicio del Castillo de Doña Blanca // Protohistoria de la Península Ibérica. Barcelona, 1–190.
- Schubart N., Niemeyer H.G., Pellicer M.* 1969: Toscanos. La factoría paleopúnica en la desembocadura del río Vélez. Excavaciones de 1964. (Excavaciones Arqueológicas en España, 66). Madrid.
- Tarradell M.* 1960: Prehistoria y Antigüedad // Historia del País Valencia. Barcelona.
- Tarradell M.* 1968: Arte Ibérico. Barcelona.
- Thomas J.M.* 2001: La Falange de Franco. El Proyecto fascista del Régimen. Barcelona.
- Tovar A.* 1946: Las inscripciones ibéricas y la lengua de los celtas // Boletín de la Real Academia de la Historia. XXV, 7–42.
- Vigil M.* 1973: Historia de España. Edad Antigua. Madrid.
- Vilanova y Piera J., Rada y Delgado J.* 1893: Geología y Protohistoria ibéricas // Historia general de España / A. Cánovas del Castillo (ed.). Vol. I. Madrid.

«THE IBERIAN PROBLEM» AND THE POLITICAL SITUATION IN SPAIN IN THE LATE 19TH–20TH CENTURIES

L. M. Korotkikh

The political situation in Spain in the 19–20 centuries had a great influence on the results of the study of its ancient history. Yet the political discussions and a very high professional level of Spanish scholars were favourable for the development of research bodies, as well as for archaeological studies and research work with written sources.